

ИЗ «СЕМИ ТЕТРАДЕЙ»

Маленькие страны жаждут быть колониями империй, в любой форме. Обижаются, если их не колонизируют, не подчиняют, не «освобождают», в конечном счете — не кормят и не приплачивают «за верность».

Но в иные светлые окна нельзя заглядывать даже нечаянно, потому что рискуешь увидеть, как реют и мерцают под милым абажуром черные круги ада.

Если России и надо покаяться (а она всегда кается), то ей, по грехам ее, дальше, не главное место в очереди. Есть кому вперед нас принести свои тяжкие грехи к Престолу. И неизвестно — донесут ли ту тяжесть, простит ли Высший Судия.

Другие страны близко, а другие люди — далеко. Другие времена близко, а настоящее время — далеко. Своя боль близко, а чужая, честно...

Но боль своих, боль за своих — большее не бывает.

Все еще надеешься, что подкова, некогда выкованная кузнецом, принесет счастье.

Это случается. К счастью.

Тоска по державе — не тоска по силе. Это тоска по дому.

Не задавать бы проклятых вопросов. Не знать бы проклятых ответов.

Если окно грязное, то, несмотря даже на самый трескучий мороз, вымой окно дочиستا, до блеска! Станет в доме светлее, станет, от прямого солнца, теплее.

И совесть не так будет мучить.

Вот тут верность, а вот тут свобода. Что между ними?

Несовершенны и слабы мои мысли, но, может быть, и они свидетельствуют об этом несовершенном времени. Но совершенных времен и не бывает. Я называю зло злом. Я его не воспеваю, и нынче это стало нужно как кислород — не воспевать сущемерзкое, не любоваться им, а отвращаться от него душой и разумом.

И то еще надо понимать, что мы, может быть, живем в лучшем из миров в лучшее из времен время, и уж точно — в лучшей, для нас, стране. Потому что было — страшнее и кровавее, а как будет — мы не знаем.

«Оппозиция» — это часто не борьба с властью, а чисто половое влечение к власти.

Литература — воспоминание о себе.

Тошно ждать врача, а праздник — приятно. Болеть интересно. Много узнаешь о своих возможностях. Ты ж побеждаешь, из раза в раз, а проигрываешь только единожды. Но зато все, полностью. Все умрут. Но все рождались!

Беден, у кого все есть. У кого ничего — тоже. Где ж богатые-то? Это кто получил?

XXI век начался в разное время. Много есть внутренних начал. С 2000 или 2001 считать, это споры статистиков. Есть периоды, не принадлежащие ни одному веку или времени. XX век морально закончился. Он был страшнее предыдущего, и не дай Бог, чтобы не страшнее, чем наступивший.

Никто никогда не побеждает. Разве инстинкты... Но это же другое. Это средство, инструмент, всего лишь. Но ведь — формируют же цель. И все равно — никто никогда не побеждает. К счастью.

Слава не ошибается. Во всяком случае, слава здорово исправляет свои ошибки. Взять «известных поэтов»... То-то же — известных, то-то же — прославленных. Прославленный — как наряженный. Поэт и прославленный поэт, кто из них останется? Уж как прославлены Е., В., Р., — а велик Рубцов.

Если серьезно: вот из первоначального астрономического хаоса выпаривается земля. Планета. Океаны кислот. Миллиарды лет реакций. Бактерии, белки слепились. Первичные организмы. Микро. Постепенно, какие-то растения оживают. Из океана на сушу. Что-то живое. Эволюция. Обезьяны. Первобытные люди. Человек.

Вот все это есть технология создания Богом человека. Это, начиная от хаоса, от первичного взрыва — все задумано Богом. А мы смотрим: вот, гляньте, микроорганизмы, вот эволюция, вот пищевая цепочка, и при чем тут Бог?

На букву А в русском языке нет ни одного русского существительного. Всегда слышны корни: латинские, тюркские.

Иррациональная ненависть-страх-вина-восхищение — это ведь есть в «мире» к России. В западной цивилизации это есть, к которой мы, считается, некоторым образом, частью, принадлежим. Это, я думаю, схема, чебуха, потому что мы универсальны, и тем — непохожи на иные этносы. И вот: иррациональное темное к нам — и чем более неправду гундосят, тем более оттопыривают мизинец со стальным, бритвенным ногтем: вы не такие, вы растакие.

Мы не такие, кто спорит, да и вы тоже — так себе.

Те же американцы считают, что их не любят в мире из-за общего мирового невежества: не способны народы оценить благодетельность демократии... А их не любят — за уникальное высокомерное безразличие к сакральным тайнам народов, сокровенным тайнам мира, которым они так парадоксально обеспокоены. Везде они туристы или вояки — нигде не ученики у мира. Везде — хозяева, ну, значит, дорожка к провалу выстелена...

Вы просто сидите себе дома, и все. Не надо, выпивши, носиться по улице. Кольцо уравнивать права.

«Отнять и разделить» — нет, без комментариев, мерзость. Но вот же «либералы» отняли. А делить не стали. Но, «по понятиям», стали делиться. Конечно, есть и общак.

Следует ли умножать количество ошибок по той только причине, что из них в основном и состоит жизнь.

Иностранца можно сделать «русским». Ему понравится.

Для боли живем. Она об этом хорошо помнит.

Перед гостиницей «Космос» стоит бронзовая, маленькая, стройная Индира Ганди. Случайно она тут, в декабре. И растет невдалеке большое дерево, в центре бетонного кольца, по которому машины подъезжают к подъезду. Вместе бы им, поближе друг к другу. А то — снег идет, а она, бронза, позеленела, и кажется, что от нашего холода. И — столбом — генерал Де Голль.

Скажут мне: ты наивен. Я соглашусь. Я буду настаивать: я наивен. А вы, вы... какие? Вы какие?

А вообще-то — что такое человек? Почему так велика в нем склонность к предательству при том очевидном для меня понимании, что предательство, на самом деле, даже невыгодно. Даже невыгодно. Даже если это, как в политике, почти что «профессия», и то — невыгодно. На могилу ведь плюнут.

Но есть люди, которым безразлична их... нет, не могла, а — безразличны им другие люди. А если безразличны люди, то и предавать их легко.

Предательство — это не убийство.

Это самоубийство.

Ленина мне трудно все же представить. Он заслонен актерами, создававшими его образ и волей-неволей искажавшими его. В старых фильмах его идеализировали, Сокуров в своей ленте качнул тенденцию в противоположную сторону. И

сколько бы ни уверял режиссер, что его интересует «человек» в драматическом предсмертном состоянии, мы видим все же вывернутый наизнанку штамп.

СССР — прямое следствие революции. Или, что, опровержение ее?

Огромен был замах, может быть — в замахе и сухожилия порвались...

А уж добывать, предавать, растаскивать Союз — это уже было одно удовольствие.

Сколько чудовищ, сколько чудищ поганых выплыло разом из политического небытия, политического несуществования!

Но — издавек начиналась, рано формировалась традиция стада соратников.

Ленин на субботнике в Кремле — знаменитая фотография, знаменитая картина, знаменитый сюжет. Историки, говорят, насчитывают до ста претендентов на несение вместе с Лениным того самого бревна. Ну и что? Приблизиться к власти — тяга страшная.

Что в человеческом, а если хотите, в мистическом плане делает Кремль с правителями страны? Здесь есть неизбывная загадка... Кремль, безусловно, подчиняет их себе, и дело не в атрибутах власти, а в громадной ответственности, воплощенной в пластах собственно кремлевской истории. Для чего ты приходишь сюда, на кремлевский холм — поднять Россию или поднять себя? Примеров того и другого — немало. И кажется иной раз, что задача вдруг подменяется на противоположную, и тогда — Кремль исторгает правителя. А как и где физически это осуществляется — в Горках, в Форосе, в Беловежской Пуще — уже несущественно.

«Кресты» в Питере и наша Бутырка в Москве парадоксально напоминают по архитектуре замки «новых русских». Башенки. Я никак не против этих самых замков. Есть богатые, и есть бедные, и так будет всегда. Но в архитектуре надо разбираться, если деньги завелись. А то ведь параллели появляются. А лучше бы — появлялись дома, побольше. Что такое, страна по населению уменьшается, олигархи разбегаются, замки строятся, сколько народу в тюрьмах мается, а жилья не хватает и не хватает!

Почему темный мужик в России судит и рядит обо все на свете, и обо всем имеет своеобразное мнение? Может, он не особенно и темный? Среди бедных много умных. Почему американец из «глубинки» мало чем интересуется вне США? Я думаю, а зачем ему? Я — без иронии. У него все в порядке, а что не в порядке, он привык, не воспринимает как дисгармонию. С нашей точки зрения там не все правильно, но это — наша точка зрения, и американцев она мало волнует. Мы же крутим головой во все стороны, высматривая, где какая жизнь. Телевидению мы не верим, это они там, в Останкино, знают. Американцы своему TV — верят безусловно, потому что если веришь — тебе спокойнее. Пропаганда легко все оправдывает, включая несправедную войну, фальшивые выборы, да что угодно.

Политическая свобода без свободы материальной — не лучше каторги.

Хорошо бы понять до конца, что же в душе на самом верху и в самом низу. Мы живем в безопасной, но и безрадостной середине. Не зная себя, не знакомые с собой. В этой серединке, уютной как одеяло, жизнь идет незаметно, привычно, безвкусно — и быстро. «Внизу» и «вверху» — медленно, подробно. Поэтому вся жизнь и проносится перед глазами... за пять секунд падения в лестничный пролет.

Миша Златковский, художник. Работа называется «Террор». Человек бьет разрозненной своей головой о подвешенный рельс.

Миша уехал вместе с женой-писательницей в Америку, в трудные недавние годы. Жил там на острове, заселенном отставниками-офицерами военно-морских сил США. Английский знает, был там Майклом, а про московское прошлое не распространялся. Сосед как-то спросил, получил ли Майкл юбилейную медаль за Вьетнам. Вы же участвовали в кампании, спросил. Миша ответил, что да, он, Майкл, служил тогда в подводном флоте. Ну, вот, сказал сосед, идите и получите медаль в нашем островном военкомате. Миша пошел, продиктовал компьютерной девушке свои данные, включая воинское звание, и исключая название флота, на котором нес службу, а флот этот был — Тихоокеанский флот СССР. Через малое время получил медаль, награда нашла героя. А потом регулярно уже их получал: медальки, значки, ленточки, все как положено.

Надоела Америка до смерти, решил ехать в Москву. Пришел к своему американскому соседу и все честно рассказал. Тот просит: меня не закладывай! Миша говорит: ни в жизнь, товарищ адмирал! Адмирал за это дарит ему парадную американскую военно-морскую форму.

По возвращении в Москву Мишин брат-энтузиаст приглашает его на открытие небольшого местного музея в Подмосковье, посвященного военно-морскому флоту СССР. Сам его же и организовал, этот музей. Поскольку Миша приехал на открытие со своим знаменитым в ветеранских кругах братом, то Мишу попросили расписаться в книге почетных гостей и оставить о себе данные — кто, что, где служил и т.д. Миша продиктовал, что служил в подводном флоте США и имеет награды.

Ветераны поднимали вверх палец и говорили друг другу понимающе: «Наша разведка — везде!»

КАК я живу. Как Я живу. Как я ЖИВУ.

* * *

МУДРОСТЬ СОЛОМОНА

По мотивам Сергея Дмитриева

И сказал в раздумье тяжком Соломон:
«Я в процесс познания всей душой влюблен,
Но не понимаю, гром меня убей,
Я на свете этом четырех вещей:

По каким законам держит путь орел.
Как змею на скалы путь ее привел.
Как находит судно путь, коль в море мрак.
Женщина к мужчине путь находит как».

Я тебе отвечу, мудрый Соломон,
Выше всех премудростей есть судьбы закон.
Но судьба всесильная не во всем вольна,
И над нею сила есть — велика она.

...Не назову ее, но только обозначу
Стихом того, кто в вечности уже.
Читаю. И ликую я, и плачу
На этом светозарном рубеже:

«Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!»

* * *

Я понял: жизнь не так трагична,
Когда увидел у стены
Полуразрушенной кирпичной
Того, кто видел в полдень сны.

Спиною опершись привычно
На кладку теплую слегка,
Он был сугубо безразличен
К той жизни, что пред ним текла.

Она пред ним — происходила:
Шумел базар, гудел вокзал,
Все быстро движущееся мимо
Он в сон свой крепкий не включал.

Он был силен. Он был не пьяный.
У ног коробка от туфлей.
Немного мелочи лежало
И две десятки мятых в ней.

С полсотни я наскреб в кармане,
Усовестившись крепко вдруг.
Я тем был поражен и ранен,
Что был тот человек — без рук.

Его глаза газет не знали,
А потому был ясен взор.
И завязался между нами
Принципиальный разговор.

С дурным бестактным состраданьем
Спросил я, трудно ль жить ему,
Он не ответил мне вниманьем —
И я не понял, почему.

Он в жизни тоньше разбирался,
Чем я. Он это дал понять,
Когда, помедлив, отозвался:
— А что, мне надо умирать?

* * *

Есть красота в ее походке легкой.
Она мгновенно раскрывает смысл
Движений, обаятельно неловких,
И жестов соблазнительную мысль.

И молода, и хороша собою
Она одна. Ей хочется любить.
Она себя придумала и строит
Большие планы, как себя дарить.

Она одна. С ней рядом нету друга.
Но ждет она: появится один
Из лучшего блистательного круга
Любовник, покровитель, господин.

Красивый раб. Добытчик и советник.
Чтоб слушал, чтобы умно говорил,
Чтоб понимал и чувствовал ответно,
Чтобы любил, любил, любил, любил.

Но он детей не хочет! Что же, разберется
Она с собой и как-то будет жить.
Над скудной победой усмехнется,
На бабью долю станет ворожить.

* * *

В городе птиц не стало,
Нет ни грачей, ни ворон.
К их чернокрылым стаям
Был равнодушен он.

Я разумею, город —
Коллективное существо —
Птичьи дикие хоры
Не отвлекали его.

Что тут у нас происходит?
Птицы от нас летят,
На мусорных полигонах
Почему пировать не хотят?

Там, где хаты да вишни,
Теперь их ночи и дни.
На братской войне не лишние —
Там пируют они.

* * *

И сказал ему Бог: не горюй, выпадет снег на твои поля
И в эту зиму сухо-бесснежную.
Плуг готовь, потому что весной захочет земля
Познать его ласку железную, нежную.

Готовь семена, и если от голода будешь умирать,
Все равно не трогай ни зерна из последней горсточки.
И паши, и сей, и заранее готовься жать,
И ничего, что станут болеть и ныть твои косточки.

И еще, покуда будет колос расти,
Сделай жернов — дай смысл гранитному валуну,
Крыльями мельницы ветер поймай и приручи,
Как день приручает солнце, а ночь — луну.

Скосишь поле — будешь, значит, усердный жнец.
Будешь волом — в амбар зерно перевезешь.
Будешь мельником — намелешь муки и — наконец! —
Будешь пекарем — и Господу хлеб испечешь.

Тогда он ответил: Господи, не ропщу, на труды я встал,
Но ведь я один, а урок тяжел, грозный мой судия!
И ответил Бог: «Трудись, хоть и болен ты, и устал.
Посмотри: ведь покуда один и я».

Он трудился, и горький пот по челу его тек,
И в поле вырос урожай — минул его недород.
Он скосил колосья, смолол муку и хлеба испек,
Тогда взял Господь пять хлебов и накормил народ.

* * *

Был я мальчишка,
мальчик черноволосый, гибкий, неуправляемый...
По ночам мы воровали яблоки из садов,
просто было от пуза дури,
По очереди, вместе, друг у друга, так мы дружили.
Яблоки падали с веток, падали груши-дули.
Те, что остались висеть, дугами ветки гнули.

Прыгая через забор, я парил над забором,
Золотых сазанов ловить я ходил спозаранку.
Не было крыльев, но воздух мне был опорой.
Подорожник залечивал вмиг любую ранку.
Утро кончалось быстро, день кончался не скоро.

Зимой обжигал мороз, даже садился голос!
Однажды опухли уши, потому что я их отморозил.

Я на спор лизнул на страшном морозе железный полоз.
Язык приварился с кровью. Я ослаб, но сначала полз,
Потом совсем обессилел. Товарищ меня не бросил.

Стыдные сны мне снились, горячие, потаенные.
Виделось, билось, гнулось женское тело,
Во сне узнал его... еще не любивший и не влюбленный
Смущался разум, душа стыдилась, лицо краснело.
Но что-то во мне ликовало и что-то пело.

Весь день говорило радио, книжек было немного.
Мы жили бедно, не слишком сытыми спать ложились.
Невдалеке день и ночь гремела дорога
Железная, где по рельсам мимо нас проносились
Пассажирские поезда по расписанию строгому.

Стучали колеса. Мне разные страны снились.
Снился в клетчатом пиджаке мужик с бородою рыжей,
Снился античный дворец, руины, книжные фолианты
Средневековые. Проснувшись, я думал, что побывал в Париже,
Ведь только там на каждой женщине крупные бриллианты.

Что вспоминать, что говорить, дивное время было.
Бедная мама крепко меня любила,
Даже за то, что из дома сбежал, не била,
Один раз хворостиной взмахнула, заплакала, все простила.
В церковь до заводского гудка ходила.

Нынче думаю, жизнь удалась, просто выпал боли избыток.
Она никогда не дремлет, ни минуты она не спит.
Если кому неизвестна такая пытка,
Тот вряд ли поймет, за что эту жизнь любить.
Да и она не знает, как с ним быть.

Если умру, то однажды утром
снова проснусь я мальчишкой,
мальчишкой черноволосым, босым, гибким, неудержимым,
С яблоками, с удочкой, с тоненькой книжкою...
Вы уж поверьте слову, меня дождитесь.
Лишь бы проснуться, лишь бы проснуться, дорогие мои, любимые...